

УДК 94(47).084.3

**ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ГОРОЖАНИНА
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1930-х гг.**

© Т. В. ЮРИНА

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского,
кафедра новейшей истории России и краеведения
e-mail: uma_82@mail.ru

Юрина Т. В. – Особенности определения социального статуса горожанина в период социальной модернизации 1930-х гг. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 641–644. – В данной статье предпринимается попытка проанализировать основные аспекты изменения социального состава населения города периода 1930-х годов. Особое внимание автор уделяет таким категориям населения, как бывшие нэпманы, а также их судьбе в период репрессий 1930-х гг.

Ключевые слова: свёртывание НЭПа, нэпманы, изменение социального статуса, модернизация.

Yurina T. V. – Features of definition of the social status of townspeople in social modernization of 1930-ths. // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V. G. Belinskogo. 2011. № 23. P. 641–644. – In given article attempt to analyze the basic aspects of change of social composition of the population of a city of the period of 1930th years is undertaken. The author gives special attention to such categories of the population, as were *нэпманы*, and also their destiny in reprisals of 1930-ths. **Keywords:** NEW ECONOMIC POLICY curling, *nepmans*, change of the social status, modernization.

В 1928 году одновременно со стартом первой пятилетки началось активное вытеснение частнокапиталистического элемента из социальной структуры города. В 1931 году весь легальный товарооборот обеспечивался государственной и кооперативной торговлей. Прежде всего, вытеснению частного капитала из торговой деятельности способствовало расторжение в конце 1920-х годов арендных договоров, национализация предприятий. Уже в 1930 году частных фабрично-заводских предприятий не было. Медленнее шёл процесс ликвидации мелкой частной промышленности. Подтверждением этому служат статистические данные о количестве рабочих рук, занятых на этих предприятиях. В 1928 году насчитывалось 219 тысяч рабочих и служащих, в 1929 – 105,4 тыс., в 1930 – 32,6 тыс., занятых на частных предприятиях [8. С. 221].

Процесс ликвидации капиталистических элементов города носил характер постепенного распада, распыления этой группировки. Вытесняемые из всех сфер хозяйственной жизни страны нэпманы были вынуждены искать новые источники существования, далеко не всегда связанные с предпринимательством. Многие из них пытались кардинально сменить род деятельности. Интересным материалом, позволяющим проследить в основных чертах процесс распада и ликвидации капиталистических элементов города, являются карточки учёта занятий торговцев и промышленников (табл. 1).

Данные исследования проводились по 12 наиболее крупным городам СССР, в которых на 1928 – 1929 года существовало 46708 частных предприятий, то есть 27,4 % всех предприятий по стране. На протяжении данного хозяйственного года ликвидировались 31533 предприятия. В Самаре на 1 января 1930 года насчитывалось 141 торговое предприятие, на 1 февраля их количество сократилось до 89 [3. Д. 869. Л. 1]. Естественно, постепенное свёртывание торговли имело в качестве варианта обходной путь через нелегальную торговлю. В частности, в Самаре наблюдался нелегальный сбыт кожи, меха почтой, багажом и личным сопровождением. 20–30 % кожсырья попадало к частнику. Во всех городах Среднего Поволжья наблюдалась ситуация, когда на вырученные деньги частники скупали валюту, ценные бумаги, украшения. В целях избегания обложения и конфискации имущества частники хранили вещи у знакомых, не занимавшихся торговлей [3. Д. 869. Л. 1]. Интересным, на наш взгляд, являлась графа «выбыли в другую местность». Смена не только рода деятельности, но и места жительства позволяла не только проявить себя в ином качестве, но и «затерять» биографию. Уже позднее, в 1930-е годы, в разгар репрессий начинает «всплывать» капиталистическое прошлое того или иного персонажа. В частности, множество документов по этим процессам содержится среди отчётов рабоче – крестьянской инспекции. Уже в 1930 году в ходе работы вышеуказанной инспекции об-

наруживаются факты сокрытия своего происхождения или рода занятия. Причём анкетированные сознательно скрывали данные о себе, подразумевая, что их прошлое может сыграть «злую» роль. Так, среди архивных материалов встречается немало документов следующего характера: в заявлении пензенского агронома Васильева Владимира Сергеевича содержатся следующие строки: «...я не сын помещика, а сын землевладельца...

то, что мои братья полковники царской армии – не есть позор, потому что сотни тысячи полковников служили... Каменев и Вацетис были юнкерами с моим братом Александром в одном училище и роте. Следовательно, заслуженные бывшие чины не могут быть позором для человека вообще и для его родственников в частности» [1. Д. 58. Л. 374]. Бывшие торговцы обзаводились документами партизан [9. Д. 1. Л. 1].

Таблица 1

Основные направления социальной мобильности нэпманской буржуазии города [7. Д. 558. Л. 43]

Новые занятия нэпманов, ликвидировавших дело	Численность	В % к итогу
Стали вновь владельцами и совладельцами	950	2,8
Торговали по твёрдым ценам	689	2,0
Занимались торговым посредничеством	201	0,6
Перешли в кустарно-ремесленную промышленность	4169	12,2
Проживали свои капиталы	2186	6,4
Оставались на иждивении других лиц	2914	8,5
Вошли в промысловую кооперацию	1167	3,4
Выбыли в другую местность	8 370	24,5
Перешли в сельское хозяйство	11100	31

Эти и другие примеры позволяют сделать вывод о том, что в период свёртывания НЭПа, перераспределения социальных приоритетов нередкими были случаи сознательного изменения биографии. Опасность вычищения, а позже физического уничтожения в период репрессий приводили к ситуации, когда затерять биографию либо путём создания легенды, либо путём смены места жительства становилось едва ли не единственной возможностью «вжиться» в новую социальную структуру. Репрессированные (осужденные к заключению, высылаемые) составляли среди нэпманов в конце 1920-х годов незначительную долю, в среднем около 4–5%.

Смена не только рода деятельности, но и места жительства позволяла не только проявить себя в ином качестве, но и «затерять» биографию. Уже позднее, в 1930-е годы, в разгар репрессий начинает «всплывать» капиталистическое прошлое того или иного персонажа. Карательным мерам подвергались все бывшие частные предприниматели. По данным Л.Ф. Морозова такие меры были применены к 4,5% их численности, к тем, кто активно учувствовал в торговой деятельности [5. С. 112].

Постановление ЦИК от 21 сентября 1930 года давало право правительственным органам союзных республик издавать постановления, допускавшие членство мелких торговцев и других предпринимателей с сельскохозяйственной и промысловой кооперации, но без права выбирать и быть избранным в органы управления кооперативами [9. С. 591].

В 1930 г. в городах Среднего Поволжья продолжилась чистка, задачами которой признавались изгнание из аппарата «разложившихся элементов, извраща-

ющих советские законы, срачивающихся с нэпманом и кулаком, изгнание растратчиков, взяточников, саботажников» [1. Д. 2. Л. 67]. Одновременно инструкции по проведению чистки указывалось, что чистка не должна рассматриваться как огульное недоверие советской власти ко всем советским служащим [1. Д. 2. Л. 86]. Все люди, в отношении которых принималось постановление, делились на три категории: к первой относились те, оценка работы которых невозможна для исправления. Они вычищались без права работы в советском аппарате, лишались права на выходное пособие, пенсию, пособие по безработице, снимались с учёта как военнообязанные и стояли на бирже труда в отдельном списке. В первую категорию должны были войти лица, «оценка работы которых показывает полную невозможность их исправления и безусловность вреда, нанесённого их работой советскому аппарату и интересам рабочего класса». Следовательно, к первой категории относили законченных врагов рабочего класса [1. Д. 2. Л. 449].

Анализ апелляций уволенных по первой категории позволял сделать вывод о том, что причисление к первой категории происходило на основании «буржуазного» прошлого. Например, бывшего владельца типографии, эксплуатировавшего труд рабочих, П.Ф. Иванова «вычистили» по этой категории, а апелляции такой категории рассматривались отрицательно [1. Д. 2. Л. 208–216, 234].

К второй категории вычищенных относили тех, кто мог исправиться, но при условии их дальнейшей работы в другой местности и другой отрасли. К третьей – чьё участие в работе советского аппарата включало руководящую работу [1. Д. 2. Л. 86].

Особо подчеркивалось в инструкции, что в процессе чистки особое внимание следует обратить на качество работы, а не классовое происхождение, запрещалось вычищать из советского аппарата только из – за того, что он являлся сыном или дочерью «бывших людей». Наиболее характерными фактами при вычищении из аппарата должны были учитываться бюрократизм и бестактное отношение, саботаж, систематичное и злостное нарушение трудовой дисциплины, оказание помощи своим родственникам, пользование своим служебным положением [1. Д. 2. Л. 86 об., 182 об.].

На деле чаще оказывалось, что решающим фактором для вычищения являлось именно социальное происхождение того или иного кандидата. Среди аргументов уволенных фигурируют такие как «выходец из семьи торговца, ранее служивший в полиции, в канцелярии губернатора, сын кушавторской гильдии» [2. Д. 1. Л. 1].

По первой категории следовало увольнять лиц, имевших связь с религиозными организациями, бывших дворян, жандармов [1. Д. 2 Л. 208, 291–292 об.].

Необходимость регулирования социальных процессов предполагала наличие контролирующих органов. Одним из таких органов стала рабоче-крестьянская инспекция. Суть работы данной структуры заключалась в том, что оценку результативности работы, преданности делу революции и социалистического строительства поверяли представители народа. С одной стороны такая постановка вопроса позволяла ближе прикоснуться к проблеме, рассмотреть её изнутри. С другой, неизбежно возникала проблема субъективизма, возникновения опасности самосуда. Представители власти грамотно оценивали расстановку сил внутри общества, создавая образ невидимого врага, вредителя, борьбу с которым каждый преданный общему делу считал своей обязанностью. В инструкции для работы краевой РКИ делалось предписание составить сравнительную таблицу о степени засоренности чуждыми элементами среди служащих [7. Д. 1476. Л. 2]. Материалы данной таблицы приведены ниже (табл. 2).

Таблица 2

Количественные показатели социально-классовой физиологии краевого аппарата [7. Д. 1476. Л. 4]

Учреждение	Штат	Выдвиженцев	В%	Представители чуждых элементов	В%	В том числе служивших в белой армии	В%
Финансово-кредитные	448	25	4,5	5	9,9	20	3,3
СНХ	86	1		10	12,5	3	3,75
Связь	139	2	1,8	8	7,2	3	2,7
Социально-культурная сфера	118	10	8,6	7	3,1	3	1,6
с/х	233	10	3,58	35	12,5	9	3,2
Крайплан	105	3	3,5	20	23,5	8	9,4

Как видно из таблицы, на начало 1930-х годов представители так называемых «старых» специалистов всё еще присутствовали среди служащих советского аппарата. Другие документальные сведения позволяют сделать вывод о том, что в 1931 году в таких учреждениях, как крайсуд, прокуратура, «Средвосьсельстрой» ощущался острый, 50-процентный, недостаток кадров [7. Д. 1476. Л. 38–39]. Нехватка кадров среднего управленческого звена вынуждала прибегать к труду так называемых «старых» специалистов и в 1930-е гг., правда, в меньших объёмах, чем это было в 1920-е гг.

На XVI съезде ВКП (б) особо была подчеркнута роль РКИ в деле классовой борьбы. Отмечалось, что вредительство, «являющееся проявлением классовой борьбы, становится возможным, и значительно облегчается не только по причине недостатка наших советских кадров, но и в силу того, что многие члены партии... не проявляют необходимой бдительности, а иногда в практической работе находятся под влиянием и воздействием вредителей» [4. С. 140].

В результате усвоения массами таких выводов формировалась установка на существование внутри общества вредителей, по вине которых оттягивается достижение основных задач.

Не секрет, что сами члены РКИ зачастую не отвечали предъявляемым требованиям, игнорировали инструкции по определению кандидатов на вычищение. Их деятельность нередко представляла сведениям счётов с неугодными, решение своих личных проблем. Привлекалось для работы РКИ рабочее, батрацко-бедняцкое, середняцко-крестьянское население округа. Население привлекалось на собрания служащих с целью участия в чистке и даче каких-либо сведений [1. Д. 2 Л. 85]. Так, среди архивных документов нередко встречаются свидетельства перегибов в деле работы РКИ. В 1931 году с транспорта был уволен по представлению работника РКИ товарища Вершигорова товарищ Маслов. Апелляция на неправильное увольнение от товарища Маслова содержит интересные для анализа деятельности РКИ сведения. Во – первых, увольнение в рамках чистки произошло по причине дезертирства во время гражданской войны. На это утверждение уволенный Маслов приводил доказательства о своей непричастности к военным действиям вообще, поскольку являлся человеком гражданским, в них не принимал. Сам потерпевший видел причину своего увольнения в сведениях личных счётов, указывая одновременно, что в своё время неоднократно на-

казывал Вершигорова за плохую работу, находясь на руководящей должности. Более того, согласно данному документу, обвинитель и в настоящее время занимается спекуляцией [1. Д.2 Л. 12].

Эти и другие факты позволяют сделать вывод о том, что прослойка профессиональных управленцев ещё не сложилась. Служащие и администраторы мало отличались по своим профессиональным и морально-нравственным качествам от основной массы рабочих. Соответственно формирование социальной структуры в годы первых пятилеток проходило в рамках реализации таких государственных задач как передел собственности и формирование социальной структуры.

Установка на борьбу с классовым врагом в городе позволила государственно-партийным органам проводить оформление «рабочего класса», ориентируясь на борьбу с враждебными нэпманскими элементами.

Служащие в этот период имели особое положение, поскольку срывы на производстве неизбежно сказывались на их положении. Обвинение во вредительстве в случае хозяйственных неудач грозило расправой. Если провинившийся имел эксплуататорское прошлое, то его участь была решена.

Государство было поставлено перед необходимостью проведения форсированной индустриализации, превращения страны в крупную промышленную державу, однако оформление рабочего класса не могло происходить параллельно строительству промышленно-заводского комплекса. Формирование классов и социальных групп должно было происходить в несколько этапов. Во-первых, предвестником оформ-

ления класса должно было быть его социально-экономическое положение в социальной структуре страны, что было проведено в годы НЭПа. Однако этот процесс был искусственно ускорен, проходил без опоры на материально-техническую базу. Во-вторых, классовое оформление означало оформление общих, корпоративных интересов. Для исследуемого региона этот процесс был заменён внедрением в общественное сознание установки на классовую борьбу, то есть именно совместная борьба играла роль консолидирующего фактора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.315. Оп. 1.
2. ГАПО. Ф. 442. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 14.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5. М.: Издательство политической литературы, 1970.
5. Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929). М.: Наука, 1960.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 6.
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 846. Оп.1.
8. Синявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М.: Наука, 1973.
9. Собрание законов (СЗ). 1930. № 56. Ст. 591.